

УДК 81'23

ЛАКУНЫ В КАЗАХСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ: СПЕЦИФИКА СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Д.Н. Байгут¹, А.М. Байгут²^{1,2} кандидат филологических наук, доцент

Южно-Казахстанский государственный педагогический институт (Шымкент (Чимкент)), Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы лингвокультурной лакунарности и способы элиминирования лакун, выявляемых в процессе сопоставления разных этнических культур и межкультурной коммуникации; на примере номинаций степеней родства в казахском языке выявляется национально-культурная специфика семейно-родственных отношений в казахском этнокультурном социуме.

Ключевые слова: лакуна, лакунарность, национально-культурная специфика, казахские традиции, родство.

Язык – один из важнейших компонентов культуры, форма мышления, проявления культурно-специфической человеческой деятельности, которая сама является реальным «бытием» языка, что отражает деятельностный подход в теории языка. Язык не существует вне культуры, и если язык – культура, то и культура, прежде всего, – это отражающий ее язык.

Язык является основой той картины мира, которая складывается у каждого человека, народа и «гармонизирует» огромное количество предметов и явлений окружающего его мира. Любой предмет или явление становятся доступными, понятными только тогда, когда им дается название. Не имеющие названия предметы или явления для человека просто не существуют. Другими словами, язык не просто отображает мир, он строит реальный мир в нашем сознании и конструирует вторую реальность: человек видит мир так, как он говорит. Люди, говорящие на разных языках, видят мир по-разному [Грушевицкая 2002, с. 159].

В ситуации межкультурной коммуникации происходит неизбежное сравнение двух лингвокультурных сфер – своей и чужой. Результатом такого сравнения является непонимание или недопонимание специфических проявлений чужой культуры, как на вербальном, так и на невербальном уровнях.

Современные условия социально-политической, общественно-экономической, культурной жизни и быта народа, его мировоззрение, психология, традиции и так далее обуславливают возникновение реалий, понятий и явлений, принципиально отсутствующих у носителей других языков. Соответственно в других языках отсутствуют однословные словарные эквиваленты для их передачи.

Каждая культура имеет свою языковую систему, с помощью которой ее носители общаются друг с другом. К основным формам языкового общения, (к вербальным средствам коммуникации) относится, прежде всего, человеческая речь, благодаря которой из поколения в поколение передается жизненно важная информация, закрепленная в языке.

Являясь формой существования языка, человеческая речь имеет более ограниченные функциональные возможности, чем вся языковая система в целом, но при этом сохраняет и развивает эту систему, заполняя «белые пятна» на карте языка – национально-специфические слова-понятия, отсутствующие в иной языковой культуре. Такие «белые пятна» – неперебиваемые слова, называющие специфические для данной языковой культуры предметы и явления, принято называть лакунами (от лат. *lacuna* – углубление, впадина, пустота). Лакуна – это отсутствие единицы в одном языке при ее наличии в другом, при том что *безэквивалентная единица* – это единица, имеющаяся в одном языке и отсутствующая в другом. Безэквивалентные единицы и лакуны всегда выявляются «в парах»: если в одном языке есть лакуна, то в сопоставляемом языке – безэквивалентная единица и наоборот.

Проблема национальной специфики мышления существует и находит свое отражение как в языковых, так и в культурных лакунах. Лакуны обеспечивают заметную долю национальной специфики любого языка, определяя наличие или отсутствие концептов в сопоставляемых культурах [Марковина, Сорокин 2008].

Культурологическое содержание жизни того или иного народа, как известно, очень объемно. Овладение культурой есть постижение системы ценностей народа, которое осуществляется на трех уровнях: а) на уровне восприятия (познавательное значение знаний); б) на уровне социальном (прагматическое значение знаний) и в) на уровне личностного смысла (аксиологическое, или ценностное, значение знаний).

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что лакуны – это несоответствия, отсутствие точного эквивалента для выражения того или иного понятия и даже иногда отсутствие самого понятия, то есть понятия или предмета, обозначаемого данным словом в исходном языке. Все эти несоответствия являются уникальными для чужой культуры.

Лакунарными во многих культурах являются наименования еды, одежды, предметов быта и домашней утвари. Например, ни в какой другой культуре, кроме казахской, нет напитка *шубат* (напиток, приготовленный из верблюжьего молока); блюда *нарын* (блюдо из мелко нарезанного мяса и теста в бульоне) и др. Но подобных слов,

связанных с национальной спецификой быта в языке любого народа не более 6–7 % от их общего количества.

В контексте изучения проблемы лакуарности рассмотрим функционирование наименований родства в казахской языковой культуре, отражающей быт и традиции семейно-родственных отношений казахов.

При анализе межъязыковых лакун выявляется довольно тонкая грань между лакуной и наличием неполного лексического соответствия иноязычному слову. Наличие подобных единиц – проявление национальной специфики семантики языков, и такие единицы должны быть отграничены от лакун, хотя это не всегда легко сделать. Более сложным случаем становится ситуация, когда одно и то же понятие по-разному – избыточно или недостаточно – выражается в сопоставляемых языках, как это видно на примере родственных связей в казахском языке.

Например, казахское *келин* и русское *сноха* – не вполне коррелирующие понятия, по той простой причине, что восточная женщина (казашка) в семье мужа и русская имеют разный социальный статус, выполняют разные функциональные обязанности и ведут себя в семье совершенно по-разному. Отсюда вопрос, лакуна ли казахское наименование *келин*, *келиншек* для русского языка, или в этом случае выявляются межъязыковые лексические соответствия, обнаруживающие национальную специфику семантики?

Многочисленные названия родственников в казахской языковой культуре практически не переводимы на другой язык. Это не просто *дяди* и *тети* – сестры и братья родителей, как, например, у русских, или *uncles* и *aunts* у американцев и англичан. Для казаха *ага* (дядя, он же старший брат) – это очень уважаемый, старший в семье (в роду) авторитетный человек, опора и защитник, как говорится в пословице «*Агасы бардын, жагасы бар* (Иметь старшего брата – иметь поддержку)». Еще пример: *сенлим* и *карындас* – так называют младших сестер в семье, но первое наименование используют старшие сестры, а второе – старшие братья.

Общение представителей старшего поколения с младшим у казахов гораздо более вертикально, чем, например, у русских или американцев. Такое различие говорит о том, что младшие и старшие занимают разные «позиции» в казахском социуме, у них заметен разный социальный и внутрисемейный статус, они имеют разные права и обязанности в семейно-родственных отношениях. Такие различные названия присутствуют во всех родственных связях у казахов. Сравним, например, у русских – мужа сестры (независимо, младшей или средней) принято называть *зятем* (кстати, муж дочери тоже *зять* – это омонимичный термин родства), у американцев – *brother-in-law* (муж дочери – *son-in-law*), тогда как у казахов муж младшей сестры – это *куйеу бала*, а муж старшей сестры – *жезде*. Разные обязанности и разные названия в терминологии родства порождают и появление непередаваемых на другие языки слов-терминов – лакун. Такие случаи явно нуждаются в дополнительном изучении.

Каждый народ в соответствии с его культурой, экономическими, природно-географическими и историческими факторами видит окружающий его мир по-своему. Казахский народ принадлежит к восточному миру с его восточной ментальностью, где традиционно почитаются семейные и родовые отношения. В казахском языке очень много названий, связанных с родственными отношениями, поскольку в жизни казаха-кочевника немаловажную роль играет его происхождение [Дмитрюк 2007].

У каждого казаха три ветви родственных связей: по линии отца – *оз журты*, по линии матери – *нагашы журты* и по линии жены – *кайын журты*. Все три ветви должны быть опорой, защитой человека.

Народ дает такую оценку *уш журт* – трем линиям родства: «Своя родня завистливая: если у тебя есть что-нибудь, завидуют, если нет ничего – не поделятся. Родственники жены смотрят, насколько ты состоятельный: преподнесешь подарок – хороший, не дашь подарка – скандала не миновать. Лишь родственники матери – твоя опора и защита: вместе с тобой радуются, огорчаются, желают только хорошего» [Кенжеахметулы 2012, с. 212].

Родственные связи определяются следующими понятиями: *агайын* – близкие и дальние родственники, *туыс* – единокровные родственники, *нагашылы-жеиенди* – дети брата и сестры по отношению друг к другу и родня матери, *шик* – не имеющие прямого родства, *жамагайын*, *жекжат*, *журагат* – потомки, дальние родственники, *кудандалы* – родственники по линии сватов. Родственные отношения называются *туыстык атау*. Казахский народ делился на роды, *жузы*, но это не было основанием считать человека другого жуза чужим. Любой казах при встрече считал своим долгом расспросить о родных.

Родственными народами у казахов считаются также киргизы, башкиры, узбеки: *туби бир туркимиз* – «тюрки с общими корнями»; но и к представителям других этносов казахи относятся миролюбиво и с уважением [Сейдимбек 2001].

До начала XX века состоятельные мужчины могли иметь несколько жен. Шариат разрешал мусульманским мужчинам иметь четыре жены. У каждой из них были свои права и обязанности в семье, в быту и над детьми. Наименования степени родства внутри такой семьи являются полными культурологическими лакунами, не имеющими языковых соответствий в других языках, поскольку в них отсутствуют сами понятия и представления о таких отношениях. Приведем примеры таких наименований-лакун.

Первую, старшую жену называли *байбише*. Она руководила младшими женами, вела хозяйство, муж прислушивался к ней. Дети байбише также имели преимущество над детьми других жен. Вторая жена – *токал*. Она полностью зависела от первой жены и имела меньше прав. Иногда из ревности байбише относилась к *токал* очень строго, порой несправедливо. Дети, родившиеся от *токал*, также имели меньше прав, чем дети от байбише. Третья жена – *наксуйер*. Она полностью подчинялась байбише, была моложе *токал*, а потому *токал* ее недолго любила, старалась выставить в дурном свете. Четвертая жена – *акколтык*, самая молодая. Обычно четвертой женой выбирали девушку-сироту или девушку из бедной семьи. На ней женились для продолжения рода

и для ведения хозяйства. *Кундес* – жены одного мужа, ревнующие мужа друг к другу, ссорящиеся и ослепленные жаждой мести. Они не скрывали своей вражды: устраивали друг другу разные гадости, даже покушались на жизнь детей [см. там же: Кенжеахметулы 2012, с. 214].

Предварительные результаты проведенного нами исследования некоторых наименований родства в казахском языке (в сопоставлении с русским и английским) показывают, что в большинстве случаев форма и смыслы лакун никак не сходятся в сопоставляемых языковых культурах, что указывает на специфические особенности национальных традиций, их существенно различающиеся роли в становлении семейно-родственных отношений.

Весьма разветвленная сеть лексем-наименований степеней родства в казахском языке, на наш взгляд, может свидетельствовать о более тесных и близких отношениях внутри казахского рода и семьи по сравнению с русскими, и тем более английскими семейно-родственными традициями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грушевицкая, Т. Г. и др. Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов. / Т. Г. Грушевицкая и др. / под ред. А. П. Садохина. – М., 2002.
2. Дмитриук, Н. В. Адаптивные процессы в русском языке казахстанцев / Н. В. Дмитриук // «Вопросы психолингвистики». – № 6. – М., 2007. – С. 153–160.
3. Кенжеахметулы, С. Быт и культура казахского народа. / С. Кенжеахметулы. – Алматы, 2012.
4. Марковина, И. Ю., Сорокин, Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. – М., 2008.
5. Сейдимбек, А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление : учебное пособие. / А. Сейдимбек. – Алматы : Рауан, 2001.

Материал поступил в редакцию 23.06.14.

ACCIDENTAL GAPS IN THE KAZAKH LANGUAGE CULTURE: THE SPECIFIC FEATURE OF FAMILY RELATIONSHIPS

D.N. Baigut¹, A.M. Baigut²

^{1,2} Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
South Kazakhstan State Pedagogical Institute (Shymkent), Kazakhstan

Abstract. *This article includes the ways of linguistic and cultural lacunarity and methods of accidental gaps elimination identified during the process of comparing of different ethnic cultures and intercultural communication; the national and cultural identity of family relationships in the Kazakh ethnic and cultural society is revealed on the example of nominations of relationship degrees in the Kazakh language.*

Keywords: *accidental gap, lacunarity, cultural identity, Kazakh traditions, kinship.*